

ПАВЛОВ А. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПАВЛОВ Александр Павлович, родился в 1890-х. Окончил реальное училище, с 1915 — после ускоренного курса военного училища на фронте, к 1917 — в звании штабс-капитана. С 1918 — добровольцем в Красной армии. После окончания Высшей военно-педагогической школы на преподавательской работе в институтах и техникумах Ленинграда. 30 апреля 1936 — арестован, 25 сентября приговорен к 5 годам ИТЛ.

В октябре 1936 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Я обращаюсь с великой просьбой разобрать мое письмо и помочь мне.

В маленьком моем деле, мелком на первый взгляд происшествии — замечаю явление государственной важности, ослабляющем пренебрежением к кадрам, личности честных работников, — мощь великой страны нашей. Я замечаю, что директива великого Сталина — "забота о человеке — основном богатстве страны" — не всеми и всегда выполняется.

Судите сами!

Я из крестьян, беспартийный, мать (в прошлом) домработница, с помощью добрых людей в 1915 году окончил реальное училище в Ленинграде, направлен (в разгар империалистической войны) в военное училище. Далее — фронт, боевые награды, чин штабс-капитана.

В 1918 году добровольно вступаю в РККА и до 1931 года занимаю различные строевые, штабные и, главным образом, военно-преподавательские должности (окончил Высшую Военно-Педагогическую Школу).

С 1931 года работаю в гражданских ВУЗах и техникумах Ленинграда в качестве заведующего военной кафедрой (военрука).

Работал неплохо, имею благодарности, подарки, премии, любил свою работу, гордился ею, приобрел опыт, авторитет, чрезвычайно любил молодежь, свою великую страну, могучую ее Армию, подготовлял для нее кадры и вдруг, именно, вдруг (так неожиданно это случилось) в ночь под Первое Мая арестован органами НКВД.

Четыре месяца длится следствие, и 25 сентября т<екущего> г<ода> Спец<иальная> Коллегия Лен<инградского> Обл<астного> Суда приговаривает меня, в течение 20-25 минут (вместе с вынесением приговора), к 5 годам лишения свободы. Суровая кара постигла меня, я исторгнут из общества, потерял все: доброе, честное имя, любимое дело, семью (мать 70 л<ет>, жена, дочь 3-х лет), известный достаток, путешествую по тюрьмам и — не знаю, за что!? Прошу Вас обратить внимание на следующее.

Инкриминируется агитация — четыре месяца длится следствие, допрашивается 20-25 человек, и в результате оказывается возможным приложить к делу один, якобы уличающий обвиняемого, протокол (допроса моей жены) и вызвать на суд только одного свидетеля (жену). Обвиняемый отрицает свою вину, единственный "уличающий" свидетель также, в сущности, отрицает ее, и тем не менее, обвинительный приговор. Это против логики, против совести, против принципов советской юстиции. Но дыма без огня не бывает. Почему же я все же арестован? Уверен, что причиной моего ареста являлось не наличие преступления, а кампания бдительности и нередкие в подобных случаях увлечения и преувеличения (иногда и сведение личных счетов).

Самый метод следствия подтверждает это предположение: вначале, примерно, 12-ти часовая беседа автобиографического характера, сбор сведений о знакомых, далее длительные перерывы между допросами, даже в полтора месяца (очевидно, усиленно ищется материал, которого не было вначале, ищется безуспешно, ибо в результате, один, имеющий отношение к делу протокол — искаженные показания запуганной женщины (жены).

Делом чести следователя было все же привести следствие к благополучному концу — обвинению. Тщетно обвиняемый ссылается на добросовестную 19-ти летнюю работу, отсутствие каких-либо арестов, допросов, самого факта агитации и т<ому> п<одобное> — на все стереотипный ответ: "Хорошо замаскировались. Все контрреволюционеры хорошо работают". Следователь временами теряет логическую нить, бросается от предположения к предположению (трудно создавать материал при отсутствии его), в отчаянии иногда говорит: "В чем же Вы виноваты? Но, не думайте, Вы от нас не уйдете, мы найдем Вас всюду".

В результате создается искусственное обвинение: домашние разговоры на общественно-политические темы между мужем и женой в результате чтения газет, подводятся под понятие "агитация" (кто же кого агитировал).

Суд, разбираясь 20-25 минут (вместе с совещанием и вынесением приговора), базируется на формулировках вопросов следователя, совершенно игнорируя ответы обвиняемого, сходственные с ответами на следствии, и заявление единственной свидетельницы о безобидной сущности происходивших разговоров.

Ломается жизнь, разрушается семья, вырывается специалист с почти 20-и летним стажем, из честного работника делается искусственно контрреволюционер, создается горький осадок оскорбления, несправедливости, страдание для близких.

В чем же дело? Неужели все виноваты, а прав только я?

Конечно, нет! Правы и виноваты все, но каждый по своему, только в отличном выполнении своих обязанностей.

Я по роду своей работы крайне заметен и известен сотням людей. Руководя этими сотнями, вынужден проявлять и суровую требовательность, доставлять иногда и неприятности, что может создать в мелких натурах и чувство неприязни. Некоторые молодые головы, услышав лозунг "бдительность", в стремлении выполнить веления партии возможно лучше, смотрят вокруг, ищут, подозрительно всматриваясь. В молодом поле зрения, может, обиженном, возникает довольно яркая, видная фигура (бывш<ий> офицер, штабс-капитан), трафаретный враг — вывод готов.

Следователь, всей душой стремясь оправдать возложенное доверие, не находит ничего существенного и опять-таки в стремлении выполнить лучше задание по бдительности, скрепя сердце, обосновывает обвинение на одном протоколе допроса жены, полученном им, кстати, не совсем честным (с точки зрения судебной этики) путем. А насколько первоначальный материал для ареста был мало проверен и согласован, свидетельствует следующее:

В ночь на первое мая арестован, а 30/IV мне объявлено партторгом, что я премирован; кроме того, я был заместителем председателя Первомайской комиссии, возлагается обеспечение порядка и мер безопасности в самом учебном заведении и общежитиях в первомайские дни, и все это возлагается дирекцией и общественностью на "подозрительное лицо", подлежащее аресту. Кого же запрашивали для проверки? Нужно думать, никого из авторитетных лиц. Все

обосновывалось на безответственных сведениях, возможно, нелепых.

Самое реальное обвинение — в хранении оружия и то носит характер натянутости.

1) Я, в сущности, военный, и по роду своей работы имел всегда в своем распоряжении в военных кабинетах (т^о е^{сть}) был допущен) различное оружие.

2) Фактически злосчастное это оружие хранилось не у меня даже.

3) Представляло собой по устарелости, изношенности и неисправности музейное, а не боевое оружие. Примечательно, что в обвинительном заключении только упоминалось об оружии, без предъявления статьи, которая, в сущности, предъявлена только судом.

Почему же я думаю, что маленькое дело мое представляет собой явление государственной важности, требующее пристального внимания и, пожалуй, изучения авторитетными лицами? Да только потому, что нужно не только хорошо работать, но и думать над последствиями. Нельзя из честных граждан, преданных работников, готовых по первому зову партии и великого вождя народов товарища Сталина ринуться в бой за Страну Советов — делать искусственно контрреволюционеров! Я, как честный гражданин, как честный сын своей страны, прошу обратить внимание соответствующих лиц на вышеизложенное (нарушение процессуальных норм и идеологических установок).

Дело мое за № 10939 (20838).

Павлов А. П.

Л^{агерный} н^{омер} 23539, 2 Ленин^{градская} перес^{ыльная} тюрьма»¹.

В октябре 1936 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Елизавета Александровна, жена Александра Павловича Павлова.

<24 октября 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Я узнала, что Вы являетесь одним из главных членов Комиссии помощи осужденным.

Вот я, в невыразимо тяжелую минуту своей жизни обращаюсь к Вам с просьбой, в надежде, что Вы поможете Вашим добрым участием.

Мой муж, Павлов Александр Павлович, бывш^{ий} военный руководитель в Гидро-Мет^{ерологическом} техникуме г^{орода} Ленинграда, 30/IV т^{екущего} г^{ода} был арестован и 25/IX осужден на 5 лет (теперь он здесь во 2-ой Ленингр^{адской} пересыл^{ьной} тюрьме л^{агерного} п^{ункта} 23539).

Во всем этом деле я у него оказалась единственной и главной свидетельницей! На суде. Когда-то, не помню, когда, дома мы с ним разговаривали на полит^{ические} темы, забыли об этом, так как в своей сущности они не имели ничего вредного и злого, — и вот оказалось, что это ему поставилось в суровую вину, как агитация! Нелепо и жестоко, человек, честно исполнявший свою работу, любя свое дело, отдавая этому делу все свои силы, гибнет морально и физически, скитаясь по тюрьмам, не чувствуя своей вины перед родиной и ее вождями! Семья страдает, терпя и материальные лишения.

Он подал кассационную жалобу в Спец^{иальную} Коллегию Верховного Суда, и я туда отослала свои заявления с приложением копий о его характеристике, отзывов о его работе.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1505. С. 128-129. Автограф.

Теперь я Вас прошу оказать содействие, если можно, ускорить разбор этого дела № 10939 (20838).

Я не знаю, правильно ли я поступаю, я слишком неопытна в юридических делах, но к юристу у меня нет средств ходить, так я пишу наугад и наудачу, прося помочь мне спасти моего мужа!

Легко терпеть наказание, зная за что, но, когда чувствуешь, что ничем, никогда он не повредил своей родине, что свои способности, умения, знания отдавал только на пользу, на укрепление боеспособности и мощи нашей незабвенной родины и ее руководителей, то от этого сознания неправоты делается невыносимо!

Кругом так все ликует, так чувствуется молодость и сила нашей родины, у нас есть наш дорогой, любимый и мудрый Сталин — хочется верить, что правда найдет свою дорогу! Сделайте, что можно, умоляю Вас.
Павлова Елизавета Александровна.

Ленинград, ул<ица> Воинова, д<ом> № 40, кв.14-15, 2 этаж.

P. S. Я посылаю при этом письмо (копию) моего мужа, прошу Вас похлопотать — посодействовать в его деле.

Им подана кассационная жалоба в Спец<иальную> Коллегию Верховного Суда РСФСР дело № 10939 (20838).

Остаюсь с приветом и надеждой
Павлова Е. А.»².

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1505. С. 127. Автограф.